

Н. Н. Шпанов

Старая тетрадь

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Н11

Н. Н. Шпанов

Н11 Старая тетрадь / Н. Н. Шпанов – М.: Книга по Требованию, 2012. – 84 с.

ISBN 978-5-458-03981-9

Николай Николаевич Шпанов - русский советский писатель, сценарист. Печататься начал с 1926 г. Был редактором журналов «Вестник воздушного флота», «Самолёт» и др. Член Союза Советских писателей с 1939 г., Николай Шпанов — автор свыше тридцати книг, из которых были наиболее известны «Первый удар», «Поджигатели», «Война невидимок», "Ученик чародея". Писатель также создал первый в советской литературе образ сыщика — сквозного героя нескольких произведений — Нила Кручинина («Похождения Нила Кручинина»)

ISBN 978-5-458-03981-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Николай Николаевич Шпанов

Старая тетрадь
(цикл рассказов)

Недавно я неожиданно для себя нашел записную книжку, которую считал потерянной. То была старая, очень потрепанная книжка, со страничками, носящими следы дождя, размывшего буквы, с корявыми строками то пером, то карандашом, разбегающимися вдоль и поперек от морской качки, дрожащими, словно в ознобе, от толчков автомобиля на ухабах. С потемневшего фото, заложенного между листками, на меня глянуло худое лицо Арву Митонена. Его глаза усмехались в добродушном прищуре. К вискам стягивались пучочки морщин. Фото было мутное, покрытое пятнами сырости, но мне так и чудилось, будто я снова вижу не клочок серой фотографической бумаги, — выцветшей в походных невзгодах, с краями, обглоданными временем, — а пылающую начищенной медью кожу Арву, вижу прозрачную, как излом на льдинке, голубизну его глаз. И, право, я готов был поклясться, что на моей ладони сохранилось тепло его большой шершавой руки, — настолько отчетливо я представлял себе ее пожатие, всегда такое крепкое, как-то по-особенному обещающее дружбу. Словно, здороваясь или прощаясь с вами, он этим подчас безмолвным прикосновением говорил: «Что бы там ни случилось, а у тебя есть друг — это я, Арву Митонен».

Рослый, широкоплечий, с чуть-чуть сутулыми от тяжести рюкзака плечами, он будто стоял передо мною живой, улыбающийся, только-только что не говорящий.

Я стал просматривать записи, сделанные когда-то с его слов. Это писалось на зябких зимних ночевках, где попало; писалось в кузовах тряских грузовиков, на длинных переходах, когда постоянным аккомпанементом собственным шагам был размеренный стук подкованных башмаков спутника или короткое поскрипывание лыжных палок, выдергиваемых из наста. Этим постоянным спутником, которому я обязан тем, что живу, дышу, пишу, был Арву Митонен. Он вывел меня из нацистской западни, в которой мы вместе очутились; он привел меня к самому что ни на есть времени в гущу исторических событий, не видеть которые было бы, пожалуй, самой большой потерей в жизни.

Очень давно на Шпицбергене я услышал одну историю из жизни местных охотников. Я записал ее и лет двадцать пять тому назад опубликовал. Это та самая история, которая названа мною теперь «Охотник со Свальбарда». Но тогда я не был знаком с самим

Митоненом и не имел представления о том, что та история — эпизод из его жизни. Я не знал ни его биографии, ни того, что заставило его бежать на далекий Север и вынужденно вести там жизнь охотника. И понятно, что когда я услышал рассказ о том же случае из его собственных уст, то понял, что прежняя запись — лишь внешняя схема того, что случилось, к тому же искаженная в чужой передаче.

А мне очень хочется познакомить вас с Арву Митоненом. Для этого стоит восстановить что сумею из записанного с его собственных слов. Это не биография Арву, а только кое-какие эпизоды из пути, который он прошел от изгнания с родной земли до возвращения на нее и вторичного бегства. А бежать ему пришлось потому, что война, как оказалось, не только не сделала легче жизнь на родине для таких, как он, а, напротив того, сделала ее совсем невозможной. Впрочем, из того, что мне от случая к случаю рассказывал Арву, вы сами увидите, что он за человек. А почему ему трудно сейчас вернуться на родину, — это легко пенять советскому человеку!

Над полюсом

Митонена тяготили скитания по Шпицбергену, вдали от бурлящих противоречий жизни на Большой земле, вдали от общественной борьбы, бывшей главным содержанием его жизни. В течение трех лет он был вынужден мириться с необходимостью ограничивать свои интересы охотой на песцов, борьбой с суровым климатом острова — нелегкой, требующей напряжения всех сил, но полной эгоизма и зла. Этого срока показалось ему достаточно для того, чтобы на материке забыли, что политическая полиция его родной страны ждет возвращения революционера Арву Митонена. Он считал, что может уже появиться где-нибудь в Скандинавии.

Никому бы и в голову не пришло, что Яльмар Свэн и Арву Митонен — одно и то же лицо, если бы на пути Арву, едва он ступил на каменистую почву Норвегии, не стал соблазн открыть свое истинное имя. А соблазн этот возник вот почему: славный норвежец Руал Амундсен, чей сильный, мужественный образ всегда притягивал к себе Арву, подготавливал экспедицию к Северному полюсу на дирижабле «Норвегия», построенном по проекту итальянского конструктора и пилота Умберто Нобиле. Едва Арву узнал об этом, он не мог уже удержаться от желания встретиться с Амундсеном, с которым был знаком по полярной экспедиции на самолетах «Дорнье Валь», в которой принимал участие в качестве механика.

Едучи на юг Норвегии, к Амундсену, Арву намеревался только повидаться с полярным волком, помочь ему в приготовлениях к трудному путешествию своими знаниями механика. Но стоило им встретиться, стоило Амундсену узнать в загорелом, сильно возмужавшем охотнике со Свальбарда своего бывшего спутника, как Арву был заключен в его крепкое объятие. Несколько радостных ударов по плечу, немногословное объяснение, и глубокие морщины, прорезанные на лице Амундсена ветрами двух полюсов, разбежались в улыбке. Он подмигнул Митонена:

— Раз это необходимо, оставайтесь Яльмаром Свэнном, но мне нужны вы, Арву Митонен. Мне нужны хорошие и крепкие люди. Поэтому я и говорю: Яльмар Свэн включается в состав экспедиции на «Норвегии».

Снова дружеский удар крепкой руки по плечу Арву, и дело было сделано. Он не мог отказаться. Да и не хотел.

Так вот и случилось, что вместе с Амундсеном он поехал в Италию принимать дирижабль, а оттуда совершил великолепный

перелет на север в составе экипажа «Норвегия». О пережитом в этом путешествии в обществе одного из интереснейших людей, каких ему доводилось встречать в жизни, Руала Амундсена, Арву мне много рассказывал. . . Может быть, когда-нибудь мне удастся восстановить эти рассказы, чтобы дополнить ими картину полета, нарисованную в записках самого Амундсена. А пока хочется передать только один маленький рассказ Арву о забавном эпизоде, имевшем место над самым полюсом. Вот он, этот случай, в передаче самого Митонена.

«Я отлично выспался, убаюканный ровным гулом моторов, похожим на отдаленную пение мужских голосов, и совершенно своеобразным, мягким покачиванием гондолы. Это напоминало нежную отцовскую ласку. Воздушный океан покачивал нас на своей необъятной груди.

В командирской рубке сидел сам Амундсен. Все шло отлично. На корабле и в моторах пока не было обнаружено никаких неисправностей. «Норвегия» быстро плыла вперед наперегонки с собственной тенью, бежавшей внизу по клубящимся волнам облаков.

«Норвегия» — чудо, созданное из металла и каучука. Мне казалось, что легкая тень ее видна всему миру. Я полюбил прекрасную целостность нашего корабля: в нем не было ни одной лишней, ни одной неудобной вещи; он сиял в чистом небе как символ гения человека.

Почти сразу по выходе за восемьдесят пятый градус мы попали в очень густой туман. Пришлось выбираться из него вверх, чтобы не потерять солнца. Его спасительный зайчик сразу попал в визир солнечного компаса, едва я к нему нагнулся.

А что говорит магнитный компас?.. Отлично. Совершенно то же самое: норд-норд-ост.

Я уже собирался перейти в нашу уютную кают-компанию, где на шести квадратных метрах полновластно царили комфорт и изящество, как в рубку ввалился заиндевший комок меха — Эльсворт с секстантом в руке. Он весь сиял возбуждением и свежестью.

— Капитан! Восемьдесят восемь градусов сорок минут северной широты.

— Эй, Митонен, поднимайте всех, пусть завтракают. Надо все привести в готовность для наблюдений. Нам осталось, вероятно, не больше полутора-двух часов пути до цели, — обратился ко мне Амундсен.

— А как с кораблем, дорогой полковник? — спросил он у Нобиле, почти не отходившего от телефонных аппаратов, связывающих

капитанскую рубку с моторными гондолами.

— Molto bene¹, — бодро раздалось в ответ. Через пять минут экипаж «Норвегии», кроме вахтенного штурманского офицера и вахтенных механиков, сидел за столом в крошечной кают-компании.

Сегодня обязанности кока исполнял Лагардини, старший радист. Он разливал по кружкам дымящийся шоколад, а от электрического камбуза аппетитно пахло жарившимися мясными консервами. Как далеко это от пеммикана, сырой рыбы, битых собак и ремней от сбруи — страшной пищи наших предшественников, искателей полюса!..

— Ну, Лагардини, сегодня вам придется как следует поработать за свой паек, — весело сказал Амундсен радиооператору.

Так началось утро.

Несложный завтрак окончился быстро. Весь экипаж в деловом возбуждении разошелся по местам.

Удивительные часы!

Минуты, ради которых стоило жить!

Я занялся последней проверкой инструментов и приготовил аппарат для измерения глубины океана.

Да, это я, Арву Митонен, исполняющий вместе с обязанностями механика еще обязанности метеоролога, сегодня спущусь в люльке с борта дирижабля для производства первых наблюдений над полюсом. Первый в мире я увижу таинственную точку планеты с высоты птичьего полета. Если бы только Пири мог знать, как это просто!

Однако до сих пор не было видно границы тумана, над которым неслась «Норвегия». Мы не могли даже приблизительно представить себе, что находится под нами: твердая земля или движущиеся ледяные поля? Белая Арктика ревниво закрылась от нас пеленой непроглядных паров.

В меховой одежде и тонких резиновых сапогах до бедер — на всякий случай, — я зашел в капитанскую рубку.

Амундсен, Нобиле и Эльсворт сосредоточенно стыли у приборов. Лицо Амундсена — как всегда почти, угрюмо, окаменелое, как у древнего викинга, шедшего в бой. Морщины на его обветренных щеках и на лбу, неподвижные и глубокие, как борозды, казались выжженными раскаленной иглой.

Из радиокабины запищал телефон. Слышно было, как Лагардини что-то бубнил в подставленное под телефонную трубку ухо Эльсворта.

— Все совершенно точно, — возвестил Эльсворт, отходя от аппарата, — восемьдесят девять градусов пятнадцать минут, как я и

говорил.

— Пожалуй, пора попробовать спуститься пониже. Какого вы на этот счет мнения, полковник? — спросил Амундсен.

Нобиле молча кивнул головой и сам перешел к рулю глубины.

Дирижабль плавно наклонился носом вперед, и через две минуты в широкие стекла рубки уже ничего не было видно, кроме плотно прилипшей к ним ватной мглы.

Вместе с Нобиле я невольно впился взглядом в стрелку высотомера, которая медленно ползла вниз: четыреста пятьдесят метров... четыреста... триста пятьдесят... триста...

А туман все так же плотно облегал корабль со всех сторон.

Я посмотрел на Амундсена.

Он казался совершенно спокойным, «как всегда». Железный старик! Но тому, кто хорошо его знал, было понятно, какой тревогой переполнена его душа.

Неужели мы так и не выберемся из коварного непроглядного тумана? Неужели ему, тридцать лет пожертвовавшему на борьбу за свою идею, не удастся осмотреть заветную область?

Туман густел. Мы пробивались словно сквозь снятое молоко.

Стрелка высотомера дошла до ста пятидесяти и замерла.

Нобиле выбирал руль, пока уклономер не показал горизонтального положения корабля.

— Больше нельзя. Мы здесь не знаем поправки на свой высотомер. Надо оставить некоторый резерв. Кто знает, что там внизу?

— Еще бы хоть капельку, полковник, — почти просительно сказал Амундсен.

— Рисуем, — отчеканил Нобиле, но снова осторожно повернул штурвал горизонтальных рулей и поспешно вывел его на горизонтальное положение. Стрелка стояла уже на ста метрах.

— Как дела, Эльсворт? — бросил Амундсен американцу.

— По-моему, восемьдесят девять градусов пятьдесят семь минут, капитан.

— Прекрасно. Держите так, полковник.

— Рисуем, капитан. Лучше немного набрать высоты.

— Хорошо, но не больше двухсот метров.

— Есть! — ответил Нобиле и, поворачивая ручку машинного телеграфа, остановил его указатель на делении «самый малый газ».

Мне казалось, что я слышу, как этому движению ответил четкий звонок в далеких моторных гондолах.

Гул моторов упал до едва заметного рокота. Это затишье производило впечатление деликатной сдержанности машин, понимаю-

щих важность мгновения.

Мертво блистали стекло и дюраль.

Время остановилось.

Мы замерли.

И только чуткие нервы приборов ловили малейшие изменения нашего положения в пространстве.

— Девяносто градусов северной широты, — прозвенел, как натянутая струна, голос Эльсворга. — Полнос!

И, точно в ответ ему, запищал телефон радиокабины!

«Полнос!»

Что сделалось с Амундсеном! Морщины на лице его дрогнули, светлые, всегда бесстрастно-зоркие глаза потемнели.

Он быстро подошел к телефонной доске, включил в свой аппарат все номера:

— От души поздравляю!

Голос его осекся. Он молча пожал нам руки.

Честное слово, я сделал вид, что не заметил... Впрочем, этого не следует говорить, когда вспоминаешь о таком человеке...

Мы внимательно посмотрели друг на друга, чтобы запомнить выражение наших лиц в эту неповторимую минуту.

— Теперь, Арву, полезайте в люльку и не очень там задерживайтесь.

— Есть капитан!

Я неуклюже повернулся в своей мохнатой шубе и пошел к мостику, с которого меня должны были спустить на поверхность... Поверхность чего — земли, льда, воды? .. Еще никто никогда, с тех времен, как существуют на нашей планете двуногие, не видел с высоты того, что было под нами.

В люльке я проверил наличие всех необходимых приборов, вызвал для проверки по телефону рубку и, не глядя на стоявшего за моей спиной механика, бросил:

— Трави!

Люлька отделилась от корабля и, слабо вздрагивая, углубилась в гущу тумана.

Я не ощущал ни холода, ни сырости. Туман как туман... как в Лондоне или в Осло...

Прошло около пяти минут. По скорости движения моей люльки я полагал, что нахожусь уже на высоте не более пятидесяти метров.

В этот момент я вовсе не размышлял о величественности событий, а довольно беспокойно следил за вибрирующим тросом, на котором висела моя люлька.

Это довольно неприятно — спускаться в непроглядной мгле с высоты двухсот метров на неисследованную точку арктических просторов. Честное слово, еще никогда в жизни, даже странствуя по снежной пустыне Свальбарда, я не чувствовал себя таким одиноким.

Каждый миг я ждал появления внизу ослепительно белой поверхность льда. Туман редел, но льда не было и в помине.

Еще через одну очень тревожную минуту я наконец понял, почему до сих пор не вижу льда: я спускался прямо на темную поверхность гладкого, словно отполированного, моря. Да, да...

Я немедленно вызвал дирижабль и передал Амундсену о том, что увидел. Выключив аппарат, я снова взглянул вниз. До воды было еще далеко. А между тем мне казалось, что по сторонам темная стена той же самой блестящей, как змеиная кожа, воды уже поднимается выше меня.

В чем дело?

Я закрыл на мгновение глаза. Открыл их вновь.

Нет. Это не было обманом зрения...

Вокруг меня, полого возвышаясь, в виде гигантской воронки вздымалась темная масса воды. Теперь ее странное поблескивание было гораздо ближе. Кругом и вверху, насколько хватал глаз, вода вовсе не была неподвижной, как это мне показалось сначала, наоборот, она находилась в непрерывном и быстром движении.

Я взялся было снова за телефон. Но в этот момент внимание мое привлекло сильное шуршание — звук, доносившийся из глубины воронки, в которую я опускался. Звук был похож на приглушенное урчание. Черная пропасть оказывалась бездонной.

Заверещал телефон. Послышался голос Амундсена:

— Алло, Митонен, в чем там дело? До каких пор вы будете спускаться? По моим расчетам, вы давно уже миновали землю и находитесь на пути в преисподнюю. Алло, Митонен! Алло! Почему вы не отвечаете? Что с ва...

Телефон умолк.

Он больше не работал. Я видел, как оборвался натянутый сверх меры провод.

Я остался один лицом к лицу с кружащимся вокруг меня водоворотом бездны.

Вглядываясь в стремительное кружение воды, я сам начинал испытывать неприятное головокружение. Но я продолжал вглядываться в то, что было подо мной. И не только в глубине водоворота, имевшего вид огромной бездонной воронки подо мной, но наравне со мной и выше моей головы, — кругом, куда только ни падал взгляд,

громоздились бешено крутившиеся бревна, доски, обломки. Немного освоившись с этим грохочущим вихрем, я разглядел там огромное количество корабельных снастей. Вокруг меня непрерывной вереницей неслись, плясали, кувыркались, погружались в воду и снова всплывали мачты, реи, куски бортов, переборки, двери... И вот, несколько отставая от увлекавшего ее водяного вихря, появилась целая палуба двухмачтового корабля старинной постройки.

Я закрыл глаза, и передо мной промелькнуло далекое воспоминание раннего детства. В мою кружку с молоком попала муха. Я стал быстро вертеть в кружке ложечкой и с удивлением обнаружил, что там образовалась воронка. Чем быстрее я двигал ложечкой, тем глубже становилась эта воронка. Почти на дне кружки беспомощно крутилась злополучная муха, увлекаемая молочным омутом...

Почему мне это привиделось?

Шорох трущихся друг о друга обломков вокруг меня был пронзителен и заглушал все, как голос недр.

Теперь я уже не различал верхнего края воронки, на дно которой опускался. Я был втянут жадной утробой взбесившегося океана. И вдруг среди хаоса крутящихся досок я увидел блеск большой медной надписи в лапах такого же медного британского льва: «Террор». А через секунду мимо меня пронеслось бревно с выведенным на нем медью словом «Жаннета»².

И я, содрогнувшись, понял. Здесь, в этом водовороте, вековая могила тех, кто терпел крушение в полярной области. И, как бы в подтверждение моей мысли, мимо, едва не задев моей углой люльки, пронеслась какая-то корабельная надстройка. К железной решетке ее иллюминатора приникла целая куча белых черепов.

Увидев эти черепа, я вспомнил то, что у меня порвалась связь с дирижаблем и что через минуту я окажусь в окружении мертвецов. Холод близкой смерти пробежал по моей спине.

Я лихорадочно дернул трос, на котором опускался.

Поздно!..

Вот дно. Люлька коснулась его. Зацепившись за какую-то рею, она быстро понеслась в общей круговой пляске, а с соседней доскико мне протянулись обломанные фаланги костяных пальцев.

Волосы зашевелились у меня на голове. От сильного толчка в плечо сознание покинуло меня и...

Я открыл глаза.

— Алло, Митонен! Проснитесь же!

Улыбающийся всеми своими морщинками Амундсен тряс меня за плечо. Глаза резанул луч солнца, пробившийся сквозь щелку